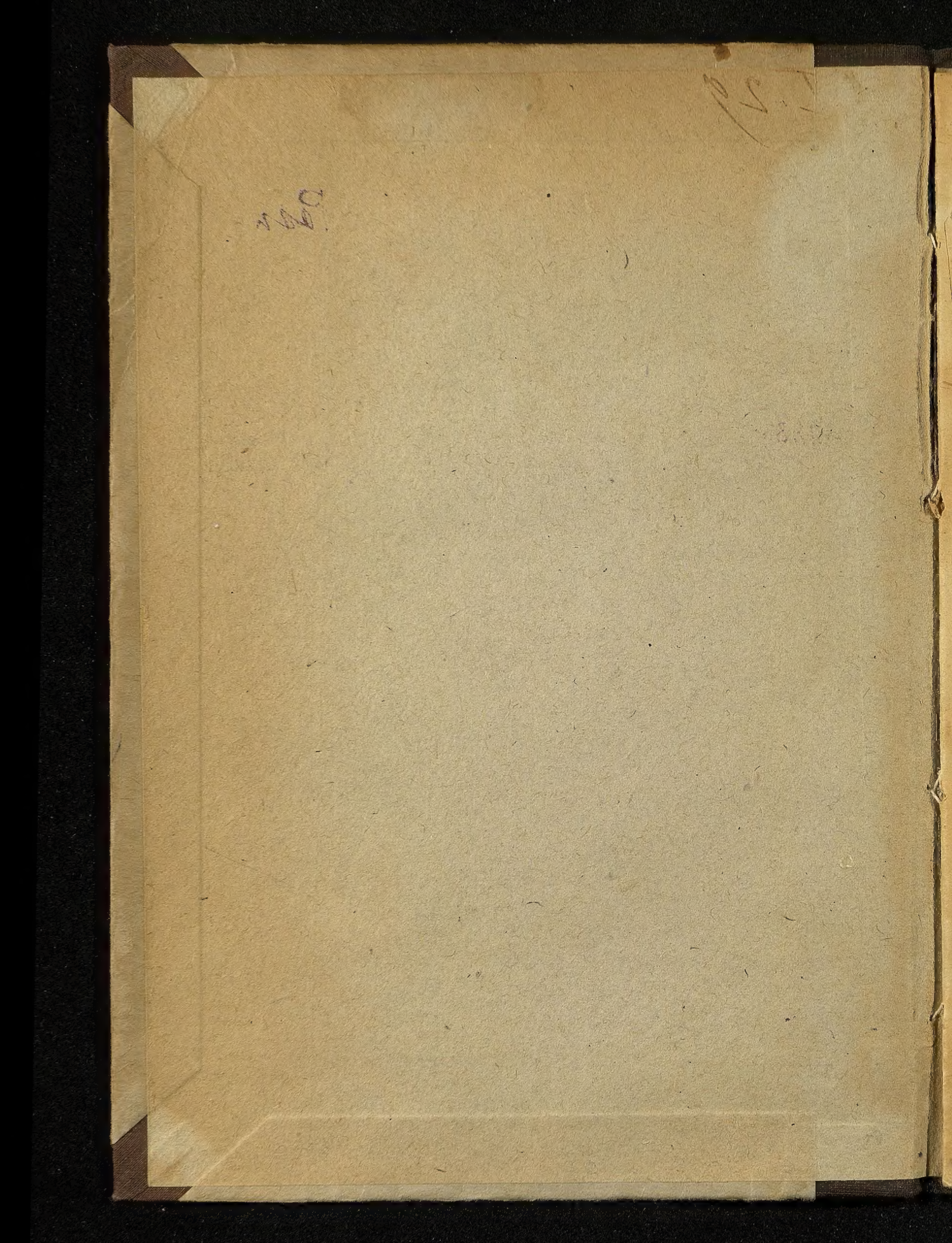

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденная

Чрезвычайная Слѣдственная Коммисія.

Жизнь русскихъ воиновъ въ плѣну.

Настоящій очеркъ представляетъ собою дополненіе и продолженіе двухъ ранѣе изданныхъ Чрезвычайною Слѣдственною Коммисіею краткихъ отчетовъ о жизни нашихъ плѣнныхъ во вражескихъ странахъ подъ заглавіями: „Русскіе въ плѣну у германцевъ“ и „Русскіе въ плѣну у австрійцевъ.“

Въ названныхъ отчетахъ былъ приведенъ цѣлый рядъ случаевъ жестокаго и унизительнаго обращенія съ нашими плѣнными, какъ при самомъ взятіи ихъ въ плѣнъ и по пути въ концентраціонные лагери, такъ и во время пребыванія ихъ въ лагеряхъ для военноплѣнныхъ и во время нахожденія ихъ въ плѣну на работахъ.

Новыя данныя, продолжающія поступать въ Коммисію послѣ составленія вышеупомянутыхъ отчетовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что положеніе нашихъ плѣнныхъ во вражескихъ странахъ и до настоящаго времени нисколько не улучшилось.

Настоящій очеркъ составленъ по матеріаламъ, поступившимъ въ Коммисію въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ текущаго 1916 года и состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ показаній бѣжавшихъ изъ плѣна русскихъ воиновъ и возвращенных въ Россію инвалидовъ. Всѣ они были допрошены въ качеств потерпѣвшихъ Членами Чрезвычайной Слѣдственной Коммис и Судебными Слѣдователями Окружныхъ Судовъ съ соблюд

ніемъ 307 и 443 ст.ст. У. У. С., т. е. съ предупрежденіемъ объ уголовной отвѣтственности за ложныя показанія.

Приводимые факты относятся преимущественно къ жизни нашихъ плѣнныхъ въ лагеряхъ, расположенныхъ у слѣдующихъ городовъ и мѣстечекъ: Бранденбургъ, Черскъ, Гессенъ, Бромбергъ, Ингольштадтъ, Штеттинъ, Альтдаммъ, Шнейдемюлле, Гаммерштейнъ, Пархимъ, Кроссенъ, Гюстровъ, Котбусъ, Ламздорфъ, Кассель, Лехфельдъ, Гарделегенъ, Зоссенъ, Нейгаммеръ, Галле, Фаанзальцъ, Минденъ—въ Германіи и Будапештъ, Брено, Кессингенъ, Пресбургъ, Дунашердагели, Визельбургъ, Іозефштадтъ, Терезіенштадтъ, Соморья—въ Австро-Венгріи.

Жестокости надъ плѣнными въ пути.

Рядовой 180 пѣхотнаго Виндавскаго полка Михаилъ Лапинъ, раненый въ ногу въ концѣ Іюля 1914 г. у города Янова, Люблинской губ., былъ поднятъ въ полѣ австрійцами и вмѣстѣ съ другими ранеными плѣнными отправленъ въ вагонеткахъ въ городъ Эстергомъ. Мимо вагонетки, въ которой находился Лапинъ, проѣзжали германскіе кавалеристы. Когда одинъ изъ раненыхъ солдатъ приподнялся, ближайшій къ вагонеткѣ германецъ ударомъ шашки отрубилъ ему голову.

Рядовой 14 Сибирскаго Стрѣлковаго полка Прохоръ Кочерга, подобранный германцами около Люблина, въ числѣ другихъ раненыхъ былъ доставленъ на перевязочный пунктъ, гдѣ его бросили на землю. По его словамъ, въ теченіе 12 дней раненые не получали никакой пищи, а только воду.

Отобраніе у плѣн-

Рядовой 109 пѣхотнаго Волжинскаго полка Андрей Кувшиновъ и казакъ первой сотни, 40 Донского полка Амосъ Жировъ удостовѣрили, что въ Шнейдемюлле у плѣнныхъ отбирали деньги, а также шинели и сапоги, замѣняя ихъ легкими одѣялами и деревянными колодками. О подобномъ же ограбленіи сообщилъ и вернувшійся изъ Германіи инвалидъ, рядовой 107 пѣхотнаго Троицкаго полка Алексѣй Коростелевъ, у котораго германскіе солдаты, съ вѣдома офицеровъ, взяли

деньги, сапоги и одежду, давъ взамѣнъ этого деревянные башмаки и бѣлыя полотняныя брюки.

Пища плѣнныхъ.

По словамъ содержавшагося въ лазаретѣ лагеря Кроссенъ казака 40 Донского полка Петра Калиманова, плѣнные получали: утромъ, въ 6 часовъ, стаканъ чая или кофе безъ сахара, съ ¼ фунта хлѣба изъ картофельной муки съ примѣсью до ½ древесныхъ опилокъ, въ 12 часовъ дня—3-4 стакана жидкаго супа изъ отрубей, моркови и брюквы безъ мяса и въ 5 часовъ вечера — чай или кофе, какъ и утромъ. Не чаще раза въ недѣлю выдавалось по кусочку испорченнаго сыра и протухшей кровяной колбасы. При такомъ питанiи около 10 плѣнныхъ умерли отъ истощенія, а остальные—исхудали и стали, по выраженію Калиманова, „какъ бы помѣшанные". Плѣнные голодали до того, что однажды, на глазахъ Калиманова, какой то нашъ солдатъ извлекъ изъ ящика отхожаго мѣста брошенный туда плѣннымъ французомъ, по совѣту русскаго врача, испортившійся хлѣбъ и, не смотря на то, что этотъ хлѣбъ былъ испачканъ испражненіями, съѣлъ его.

Въ другомъ лагерѣ, около города Кассель, выдавали по полфунта хлѣба на человѣка въ день и жидкую, заправленную водою, „болтушку".

По словамъ рядового 28 Сибирскаго Стрѣлковаго полка Федора Харьковскаго, добавочную порцію этой болтушки поваръ выдавалъ лишь тѣмъ изъ плѣнныхъ, кто соглашался получать ударъ плетью.

Показаніями всѣхъ вернувшихся изъ плѣна русскихъ воиновъ относительно пищи, которою имъ приходилось довольствоваться, устанавливается, что питаніе плѣнныхъ становится съ каждымъ днемъ хуже. Но еще болѣе прискорбное явленіе представляетъ утаиваніе нѣмцами съѣстныхъ припасовъ, получаемыхъ нашими плѣнными изъ Россіи и союзныхъ странъ.

Въ Январѣ 1916 года, въ лагерѣ Минденъ для русскихъ плѣнныхъ былъ полученъ изъ Лондона хлѣбъ. Плѣннымъ выдали лишь часть его, лишивъ ихъ при этомъ казенной порціи якобы на томъ основаніи, что они не должны получать хлѣба больше германскихъ солдатъ.

Работы плѣнныхъ.

На работы, самыя разнообразныя и изнурительныя, отправляютъ не только здоровыхъ, но и не совсѣмъ оправившихся отъ болѣзни, не взирая при этомъ ни на какую погоду. По словамъ старшаго унтеръ офицера Л. Гв. Кексгольмскаго полка Филимона Гояна, въ Кроссенѣ плѣнныхъ выгоняли на работы, при морозѣ въ 17 градусовъ, въ одномъ бѣльѣ и деревянныхъ колодкахъ. Во время работы надсмотрщики наблюдаютъ, чтобы плѣнные ея не прерывали, и всякое проявленіе усталости немедленно вызываетъ побои, наносимые палкою, плетью, а подчасъ и штыкомъ.

Къ работамъ привлекаютъ и раненыхъ. Извѣстны случаи, когда легко раненыхъ нашихъ солдатъ впрягали въ плуги и бороны и пахали на нихъ огороды. Отъ такой упряжки у восьми человѣкъ образовались на бокахъ глубокія раны.

Принужденіе къ работамъ военнаго значенія.

Принуждая русскихъ плѣнныхъ производить работы, имѣющія военное значеніе, враги подвергаютъ крайне жестокому обращенію и даже разстрѣливаютъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашаются участвовать въ такихъ работахъ и тѣмъ содѣйствовать непріятелю въ дѣйствіяхъ противъ ихъ отечества.

Въ распоряженіи Коммисіи имѣются свѣдѣнія о многократныхъ случаяхъ принужденія плѣнныхъ къ военнымъ работамъ. Такъ, по словамъ рядового 105 пѣхотнаго Оренбургскаго полка В. Маслова, въ Маѣ 1915 года германцы отправили изъ Альтдамма 200 русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и Маслова, на фронтъ Варшавы и въ 150 верстахъ отъ него приказали имъ рыть окопы. Плѣнные отказались и за это были избиты прикладами и возвращены въ Альтдаммъ. Здѣсь, по распоряженію коменданта, ихъ выстроили въ двѣ шеренги; противъ нихъ стали съ заряженными ружьями 60 германскихъ солдатъ. Переводчикъ объяснилъ плѣннымъ, что ихъ разстрѣляютъ, однако германцы ограничились однимъ холостымъ залпомъ, а затѣмъ ослушниковъ лишили пищи на 2½ сутокъ.

Инвалидъ Коростелевъ, рядовой 107 пѣхотнаго Троицкаго полка, показалъ, что изъ лагеря въ Пархимѣ было отправлено 500 плѣнныхъ на русскій фронтъ для рытья окоповъ. Отказавшихся отъ этой работы избили палками и лишили пищи на пять сутокъ.

Изъ лагеря Терезіенштадтъ австрійцы также посылали партіи плѣнныхъ рыть окопы на фронтъ. Въ іюлѣ 1915 года Оренбугскій казакъ Клюшинъ отказался идти съ такой партіей. За это его ежедневно подвѣшивали на 2 часа къ столбу на четверть аршина отъ земли. Послѣ десятаго подвѣшиванія Клюшинъ заявилъ: „хоть убейте меня, помру, но рыть окопы противъ своихъ не пойду". Тогда австрійскіе солдаты избили Клюшина палками и прикладами съ такой силой, что спина и руки у него почернѣли. Обстоятельство это удостовѣрено казакомъ 37 Донского казачьяго полка Александромъ Алифановымъ.

Прапорщикъ 9 Финляндскаго Стрѣлковаго полка баронъ Р. О. Будбергъ видѣлъ въ лагерѣ Саморья партію нашихъ нижнихъ чиновъ, въ 250 человѣкъ, которыхъ австрійцы, переодѣвъ въ свою форму безъ погонъ, отправляли на фронтъ рыть окопы и возводить укрѣпленія.

Дисциплинарныя мѣры и наказанія.

Безчеловѣчность германцевъ и австрійцевъ проявляется особенно ярко въ области дисциплинарныхъ взысканій. Наказанія, которымъ за малѣйшія провинности подвергаются плѣнные, поражаютъ своею жестокостью. Таково, напримѣръ, наказаніе, состоящее въ заключеніи плѣнныхъ на цѣлый день безъ пищи въ небольшую клѣтку, всѣ стѣны и полъ которой покрыты колючей проволокой. Это наказаніе, по свидѣтельству старшаго унтеръ-офицера 201 пѣхотнаго Потійскаго полка Лунина, унтеръ-офицера 170 пѣхотнаго Молодеченскаго полка Георгія Федоренко и рядового 24 пѣхотнаго Симбирскаго полка Липы Мошковича, примѣнялось въ Бранденбургѣ и Кроссенѣ.

По показанію рядового 9 Туркестанскаго полка Тита Уродова, въ лагерѣ въ Гамельнѣ за кражу хлѣба привязывали къ столбу, въ морозъ, совершенно голыми на нѣсколько часовъ, а въ лагерѣ Котбусъ, по словамъ инвалида, бомбардира 15 Мортирнаго дивизіона Яна Пенджика, практиковалось и обливаніе водой на морозѣ.

За неотдачу чести и маршировку не въ ногу плѣнныхъ подвергали аресту на сутки безъ пищи съ привязываніемъ къ столбу. Иногда на спину солдата вѣшали мѣшокъ съ пескомъ, вѣсомъ въ 50—60 фунтовъ, заставляя обремененнаго такою

ношею плѣннаго бѣгать въ продолженіе часа, и во время бѣга— по командѣ останавливаться, падать на животъ и подниматься безъ помощи рукъ; если наказываемый опирался на руки, то наблюдавшій за исполненіемъ наказанія часовой вскакивалъ ему на спину ногами и прижималъ его къ землѣ.

По словамъ ефрейтора 171 пѣхотнаго Кобринскаго полка Сергѣя Сытинова и рядового 333 пѣхотнаго Глазовскаго полка Михаила Завайскаго, въ Бромбергѣ, въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ 1915 года, за малѣйшее непослушаніе русскихъ раненыхъ избивали до крови ременной плеткой съ вплетенною въ нее проволокою или ставили у горячей желѣзной печи.

Въ лагеряхъ Гюстровѣ и Тархимѣ плѣнныхъ привязывали на два часа къ столбу съ перекладиною, подъ которою были вбиты гвозди, приходившіеся наказываемому подъ мышками, вслѣдствіе чего онъ не могъ пошевелиться и долженъ былъ вытягиваться въ струнку.

Подвѣшиваніе къ столбу—обычное наказаніе въ концентраціонныхъ лагеряхъ Австро-Венгріи, но въ Іозефштадтѣ оно отличалось особою мучительностью. По удостовѣренію рядового 145 пѣхотнаго Новочеркасскаго полка Никифора Водопьянова, въ Іозефштадтѣ нерѣдко подвѣшивали нашихъ солдатъ внизъ головою и держали въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока изъ носа и рта не хлынетъ кровь.

Заключеніе въ гробъ.

Въ концентраціонномъ лагерѣ военноплѣнныхъ въ Дунашердагели, въ Венгріи, помимо многихъ наказаній, которымъ подвергаются наши солдаты, наказываемаго иногда раздѣваютъ до гола, кладутъ въ тѣсный гробъ, плотно закрываютъ его крышкой, имѣющей для притока воздуха 1—3 небольшихъ дырочки, и въ такомъ положеніи держатъ 2 часа. Этому наказанію были подвергнуты рядовые: 17 уланскаго Миргородскаго полка Трофимъ Михайловъ Кравченко, впослѣдствіи бѣжавшій изъ австрійскаго плѣна, и 325 пѣхотнаго Царевскаго полка—Сергѣй Шеяновъ, возвратившійся на родину какъ инвалидъ. По словамъ Кравченко, онъ задохнулся бы, если бы часовой время отъ времени не открывалъ бы крышки. Шеянова за куреніе табака положили въ гробъ, на днѣ котораго были располо-

жены ребромъ, на полъ-аршина одна отъ другой, доски, которыя врѣзывались въ спину и причиняли невыносимыя мученія. Двухчасового наказанія гробомъ Шеяновъ не могъ перенести и лишился чувствъ. Крышку гроба, однако, не всегда открывали, такъ что нѣкоторые плѣнные въ гробу теряли сознаніе, задыхались или сходили съ ума. Все это удостовѣрили: 1) старшій унтеръ-офицеръ 280 пѣхотнаго Сурскаго полка Яковъ Михайловъ Ерыгинъ, 2) рядовой того же полка Иванъ Дмитріевъ Припачкинъ, 3) подпрапорщикъ 84 пѣхотнаго Ширванскаго полка Филиппъ Александровъ Пашковъ, 4) младшій унтеръ-офицеръ 81 пѣхотнаго Апшеронскаго полка Степанъ Григорьевъ Ухань, 5) ефрейторъ того же полка Афанасій Даниловъ Благодарный, 6) рядовой того же полка Климъ Ильинъ Блынскій, 7) рядовой 310 пѣхотнаго Шацкаго полка Александръ Феоктистовъ Рябошапка, 8) рядовой 326 пѣхотнаго Бѣлгорайскаго полка Тимофей Григорьевъ Лисановъ, 9) унтеръ-офицеръ 26 пѣхотнаго Могилевскаго полка Егоръ Ивановъ Слесаревъ и многіе другіе. По словамъ, Ерыгина, гробъ былъ обитъ жестью.

Существованіе наказанія въ Дунашердагели помѣщеніемъ въ гробъ подтвердили и возвращенные изъ Австро-Венгріи инвалиды—рядовой 257 пѣхотнаго Евпаторійскаго полка Петръ Васильевъ Лазаренко, рядовой 45 пѣхотнаго Азовскаго полка Ефимъ Михеевъ Бондаренко и рядовой 2 Финляндскаго стрѣлковаго полка Иванъ Дмитріевъ Храбровъ, при чемъ послѣдній объяснилъ, что гробъ, который онъ видѣлъ, былъ изъ цемента.

Одинъ изъ нашихъ солдатъ, при посѣщеніи лагеря въ Дунашердагели сестрой милосердія, командированной Россійскимъ Обществомъ Краснаго Креста въ Австро-Венгрію, княгиней Н. Г. Яшвиль, заявилъ ей, что въ этомъ лагерѣ плѣнныхъ за неповиновеніе кладутъ въ гробъ на 2 часа.

Наказаніе плѣнныхъ помѣщеніемъ въ гробъ примѣнялось кромѣ Дунашердагели въ лагеряхъ Брюксъ и Линцъ.

Подобныя наказанія налагаются на плѣнныхъ не только за провинности, но и за жалобы на дурную пищу, на жестокое обращеніе, а иногда и безъ всякаго повода.

Въ Іоссенѣ нѣсколько плѣнныхъ пожаловались офицеру, завѣдывавшему питаніемъ, на недоброкачественность пищи.

Когда въ лагерь прибылъ генералъ, онъ выбралъ жалобщиковъ и приказалъ всѣмъ плѣннымъ бѣгать по лагерю цѣлый день. Падавшихъ отъ изнеможенія часовые били и заставляли продолжать бѣгъ.

Травля плѣнныхъ собаками. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ плѣнныхъ травили собаками. Такъ, въ Альтдаммѣ прапорщикъ 98 пѣхотнаго Юрьевскаго полка И. М. Шевченко видѣлъ, какъ на плѣнныхъ, не понявшихъ приказанія, унтеръ-офицеры натравили собакъ. Въ Лехфельдѣ, не досчитавшись въ отправленной на работы партіи одного солдата, стали его искать и нашли спрятавшимся въ баракѣ. Тогда на него выпустили собакъ, которыя, при смѣхѣ фельдфебелей, рвали солдата въ клочья. Свидѣтель этого ужаснаго зрѣлища, старшій унтеръ-офицеръ 290 пѣхотнаго Валуйскаго полка Яковъ Мизякинъ, заплакалъ и получилъ за это нѣсколько ударовъ прикладами.

Убійства плѣнныхъ. Проявленіе нашими врагами жестокости къ плѣннымъ не ограничивается мученіями и истязаніями, а нерѣдко сопровождается и убійствомъ плѣнныхъ.

Вернувшійся изъ германскаго плѣна съ партіей инвалидовъ ефрейторъ 226 пѣхотнаго Землянскаго полка Тихонъ Комаровъ удостовѣрилъ, что, вскорѣ послѣ взятія его въ плѣнъ, 29 Августа 1914 года, въ Восточной Пруссіи шесть плѣнныхъ были выстроены по приказанію германскаго офицера; увидѣвъ на груди одного изъ нихъ, унтеръ-офицера, два ордена, офицеръ подъѣхалъ къ нему и молча, выстрѣломъ изъ револьвера въ упоръ, убилъ его наповалъ. Тогда же на перевязочный пунктъ, гдѣ находился Комаровъ, принесли тяжело раненаго русскаго унтеръ-офицера Андронова (уроженца Тамбовской губ.), у котораго при обыскѣ были обнаружены компасъ и нѣмецкая карта. Германскій унтеръ-офицеръ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лицо Андронова, причемъ пуля, попавъ въ область уха и щеки, вырвала кусокъ мяса ниже виска.

Рядовой 107 пѣхотнаго Троицкаго полка, инвалидъ Алексѣй Коростелевъ видѣлъ, какъ въ Гаммерштейнѣ часовые закололи одного плѣннаго татарина, а другого ранили штыкомъ только

за то, что они по слабости отставали отъ остальныхъ. Въ другой разъ часовой убилъ выстрѣломъ въ лобъ нашего солдата, побѣжавшаго въ отхожее мѣсто. Комендантъ лагеря выдалъ часовому 3 рубля за мѣткую стрѣльбу. Въ Пархимѣ, куда потомъ былъ переведенъ названный Коростелевъ, вернувшіеся съ работъ плѣнные говорили ему, что германцы на работахъ забили на смерть девять человѣкъ. По словамъ рядового 53 артиллерійской бригады Степана Гладышева, въ лагерѣ въ Ламздорфѣ 8 человѣкъ просили увеличить порціи хлѣба, въ отвѣтъ на эту просьбу комендантъ приказалъ часовому стрѣлять въ нихъ, при чемъ семь плѣнныхъ были ранены въ ноги, а одинъ—около поясницы.

Рядовой 24 пѣхотнаго Симбирскаго полка Томашъ Мировскій показалъ, что когда въ лагерѣ около города Нейгаммера на пути шедшаго германскаго часового стоялъ рядъ плѣнныхъ солдатъ въ затылокъ, ожидая очереди у лавки, часовой, подойдя къ очереди, штыкомъ убилъ стоявшаго на его пути солдата и пошелъ дальше.

Въ лагерѣ у Шнейдемюлле голодные плѣнные собирали изъ выгребныхъ ямъ картофельную шелуху и кофейную гущу. За это многіе изъ нихъ были заколоты штыками. За попытки бѣжать плѣнныхъ разстрѣливали, а для устрашенія прочихъ выставляли въ лагерѣ гробъ.

Въ Кроссенѣ 15 Сентября 1914 г., днемъ, недостроенный баракъ отъ сильнаго вѣтра сталъ разваливаться. Бывшіе въ баракѣ плѣнные (около 30 человѣкъ) выбѣжали во дворъ. Пьяные германскіе часовые произвели въ толпу 30 выстрѣловъ изъ винтовокъ и револьверовъ, убивъ четырехъ и ранивъ восемь плѣнныхъ, а затѣмъ всѣхъ остальныхъ избили нагайками.

По словамъ прапорщика 98 пѣхотнаго Юрьевскаго полка И. М. Шевченко, въ Гаммерштейнѣ одинъ изъ раненыхъ русскихъ солдатъ бросилъ кусокъ хлѣба проходившему по двору плѣнному. Послѣдній подбѣжалъ, чтобы поднять хлѣбъ, но часовой крикнулъ ему „halt“ (стой). Не понявъ значенія этого слова, плѣнный не остановился; часовой выстрѣлилъ и ранилъ его въ животъ. Раненый былъ доставленъ въ лазаретъ, гдѣ вскорѣ скончался.

Въ лагерѣ около Гессена часовой убилъ штыкомъ русскаго солдата, отказавшагося итти на работу. Генералъ, выслушавъ жалобу плѣнныхъ на часовыхъ, призналъ его дѣйствія законными.

Въ Бранденбургѣ, за просьбу о выдачѣ добавочной порціи, пять унтеръ-офицеровъ били плетьми до смерти рядового 2 гренадерскаго Ростовскаго полка.

Обращеніе съ плѣнными казаками.

Особенно жестокое отношеніе враги проявляютъ къ казакамъ. Казакъ 40 Донского казачьяго полка Никифоръ Басакинъ показалъ, что изъ партіи русскихъ нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ 17 Августа 1914 года около города Алленштейна, германскіе солдаты, по прибытіи на первую желѣзнодорожную станцію, выдѣлили всѣхъ казаковъ, а именно 23 человѣка, и, отведя ихъ въ сторону, сняли съ нихъ верхнюю одежду и жестоко избили всѣхъ казаковъ прикладами. Къ конвоирамъ присоединились мирные жители: женщины плевали казакамъ въ лицо, били снятыми съ ногъ деревянными башмаками, дѣти бросали имъ въ глаза песокъ. Время отъ времени изъ помѣщенія станціи выходилъ германскій офицеръ и грозилъ рукой конвоирамъ, а затѣмъ скрывался, и избіеніе казаковъ возобновлялось. Избитыхъ казаковъ безъ одежды помѣстили въ особый вагонъ, на дверяхъ котораго написали: „здѣсь казаки". На каждой станціи двери вагона открывались и мѣстные жители забрасывали казаковъ камнями и пескомъ. На одной изъ пересадочныхъ станцій изнемогавшихъ отъ жажды и голода казаковъ, лишенныхъ пищи и воды въ теченіе предшествовавшихъ восьми сутокъ, окружили карауломъ и продержали въ строю „смирно" съ 10 час. утра до 6 вечера. Падавшихъ отъ усталости нѣмцы били прикладами, а русскихъ плѣнныхъ, пытавшихся дать казакамъ воды, грубо отгоняли.

По словамъ рядового 201 пѣхотнаго Потійскаго полка Петра Спесивцева, въ Шнейдемюлле особенно жестоко расправлялись съ казаками. Такъ, четверыхъ казаковъ вывели на плацъ города, привязали къ столбу, гдѣ германскіе солдаты, въ присутствіи офицеровъ, сѣкли ихъ розгами, а затѣмъ вырѣзали на ногахъ изъ кожи лампасы. Двое изъ подвергшихся истязаніямъ были привезены въ лагерь мертвыми. Въ другой разъ, въ Декабрѣ 1914 года, германцы,

найдя среди плѣнныхъ двухъ казаковъ, положили ихъ на бочки и засѣкли до смерти камышевыми палками. Объ этомъ сообщилъ казакъ первой сотни, 40 Донского полка Амосъ Жирковъ.

18 Августа 1914 года, послѣ боя у города Нейденбурга, на полѣ остался тяжело раненый казакъ 40 Донского полка Петръ Самуйловъ Калимановъ. Къ нему подошли германскіе солдаты, обыскали его, сняли съ него сапоги и шаровары и отправили казака въ полевой перевязочный пунктъ. Бывшіе на пунктѣ другіе германскіе солдаты замѣтили лампасы у двоихъ нашихъ раненыхъ. Калимановъ услыхалъ въ разговорѣ слова „кóзакъ, кóзакъ“ и видѣлъ, какъ послѣ этихъ словъ одинъ германецъ изъ винтовки пристрѣлилъ незнакомаго Калиманову казака, а другой—выстрѣлилъ въ 5-ти шагахъ въ казака хутора Дѣева, Чернышевской станицы, 2 Донского Округа, Минаева. Минаевъ послѣ выстрѣла пересталъ шевелиться. Когда Калиманова перенесли на какой-то дворъ, германскіе солдаты обратили вниманіе на отсутствіе у него шароваръ и, заподозрѣвъ въ немъ казака, избили его до потери сознанія.

Обращеніе съ плѣнными офицерами.

Обращеніе нашихъ враговъ съ плѣнными русскими офицерами является оскорбительнымъ для воинской чести и человѣческаго достоинства плѣнныхъ.

А. Избіеніе офицеровъ.

По показанію рядового 187 пѣхотнаго Аварскаго полка Василія Тимачева, въ Пресбургѣ австрійцы-солдаты били прикладами раненыхъ плѣнныхъ не только солдатъ, но и офицеровъ.

Б. Срываніе погонъ, кокардъ и знаковъ отличія.

Чтобы сильнѣе унизить русскихъ офицеровъ, нѣмцы нерѣдко срываютъ съ нихъ погоны и знаки отличія.

Изъ числа возвратившихся на родину изъ плѣна офицеровъ насильственному лишенію погонъ и знаковъ отличія подверглись со стороны германцевъ полковникъ 171 пѣхотнаго Кобринскаго полка С. А. Мокржецкій, артиллерійскій чиновникъ 8 артиллерійской бригады Н. П. Конде-Маркочъ-Ренгартенъ и взятые съ нимъ одновременно въ плѣнъ офицеры; со стороны австрійцевъ—прапорщикъ 259 пѣх. Ольгопольскаго полка Д. К. Мигунько,

прапорщикъ 244 пѣх. Красноставскаго полка А. Г. Былинкинъ, прапорщикъ 20 пѣх. Галичскаго полка И. И. Кордлундъ и подпоручикъ 127 пѣх. Путивльскаго полка Г. А. Сапожниковъ.

У подполковника В. С. Яцкевича германскій солдатъ, по приказанію подъѣхавшаго верхомъ офицера, сорвалъ погоны, одинъ изъ которыхъ передалъ офицеру, а другой—положилъ себѣ въ карманъ.

Взятый въ плѣнъ 31 Августа 1914 года подъ Сталупененомъ священникъ 110 пѣхотнаго Камскаго полка Іаковъ Цирусъ-Соболевскій видѣлъ, какъ германцы срывали съ нашихъ офицеровъ погоны, вырывая при этомъ изъ кителей куски матеріи.

Срѣзывали или срывали погоны даже и у офицеровъ, находящихся въ лазаретахъ. Такъ, въ Грацѣ австрійскій лейтенантъ въ грубой формѣ приказалъ солдатамъ снять погоны съ тужурки раненаго зауряд—капитана 174 пѣшей Донской дружины П. М. Рѣзакова.

По показанію командированной въ Германію сестры милосердія Н. И. Оржевской, въ лазаретѣ города Мюнхена германскій офицеръ на глазахъ тяжело раненаго русскаго офицера вынулъ изъ шкафа его тужурку и отрѣзалъ погоны. Тогда же Оржевская установила, что германцы, приказывая нашимъ офицерамъ писать на родину письма опредѣленнаго содержанія, принуждали ихъ сообщать, что съ нихъ сняли погоны за то, что яко-бы русское правительство сдѣлало распоряженіе о снятіи погонъ съ нѣмецкихъ плѣнныхъ. Одинъ изъ находящихся въ плѣну въ Мюнхенѣ русскихъ офицеровъ прислалъ на родину письмо отъ 12 Іюля 1915 года, въ которомъ сообщаетъ, что, по распоряженію германскаго правительства, младшимъ русскимъ офицерамъ было приказано снять погоны, при чемъ его съ двумя другими офицерами, фамиліи которыхъ приведены въ письмѣ, за отказъ исполнить это требованіе, перевели въ лагерь для нижнихъ чиновъ.

По словамъ рядового 107 пѣхотнаго Троицкаго полка Филиппа Кошевецкаго, въ лагерѣ около города Гессенъ шесть русскихъ офицеровъ содержались на положеніи нижнихъ чиновъ за отказъ снять погоны и кокарды.

Вопреки постановленіямъ Женевской Конвенціи 1906 года, охраняющимъ какъ личную неприкосновенность медицинскаго персонала, такъ и его право на возвращеніе „къ своимъ арміямъ и на родину“ (ст. 9 и 12), германскія власти задерживаютъ нашихъ врачей въ качествѣ военноплѣнныхъ со всѣми обычными въ Германіи жестокими и унизительными послѣдствіями этого положенія, и лишь незначительной части удается возвратиться въ Россію либо въ числѣ инвалидовъ, либо въ обмѣнъ на соотвѣтствующихъ лицъ германской арміи, или же путемъ побѣга. Поэтому число врачей, допрошенныхъ Членами Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, не могло быть значительнымъ, однако и въ настоящее время картина тѣхъ условій, въ которыхъ приходится военноплѣннымъ врачамъ жить въ Германіи, рисуется съ достаточною ясностью и опредѣленностью.

Плѣнные врачи.

О томъ, какія униженія приходится переносить плѣннымъ врачамъ, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующіе факты: въ лагерѣ въ Альтдаммѣ русскій врачъ выразилъ возмущеніе по поводу наказанія плѣнныхъ за отказъ рыть окопы; за это съ него была снята форменная одежда, онъ былъ одѣтъ въ желтый больничный халатъ и привязанъ на три часа къ столбу на площади.

Въ числѣ лицъ, съ которыхъ были сняты погоны и знаки отличія, одновременно съ офицерами были и врачи: дивизіонный врачъ Звягинцевъ, врачъ 104 пѣхотнаго Устюжскаго полка П. І. Липшановичъ, старшій врачъ 2 Конно-Горнаго артиллерійскаго дивизіона Н. И. Олтаржевскій, младшій врачъ 1 пѣхотнаго Невскаго полка В. Г. Абрамовичъ. Одной изъ возвращенныхъ въ Россію сестеръ милосердія русскіе врачи (фамиліи которыхъ въ настоящее время не могутъ быть оглашены) разсказывали, что комендантъ лагеря въ Шнейдемюлле Рюксъ, встрѣтивъ ихъ бранью „свиньи и собаки“, сказалъ, что научитъ ихъ бороться съ такой заразой, какъ тифъ.

Въ Шнейдемюлле нѣмецкій врачъ билъ русскаго врача плетью по ушамъ за просьбу о переводѣ его въ общій лагерь въ виду того, что въ данномъ лагерѣ не было лѣчебныхъ матеріаловъ, которыхъ нѣмцы намѣренно не отпускали для русскихъ больныхъ.

Представители Краснаго Креста и сестры милосердія.

Наряду съ врачами грубость германцевъ приходилось не разъ испытывать и представителямъ Россійскаго Общества Краснаго Креста и сестрамъ милосердія.

Такъ, 30 Августа 1914 года въ Восточной Пруссіи, на сборномъ пунктѣ военноплѣнныхъ подъ Дарксменомъ, германцы сорвали погоны и кокарды у уполномоченнаго Краснаго Креста К. К. Гринвальда.

Того же 30 Августа 1914 года, въ 3 верстахъ отъ Гумбинена германскій солдатъ сорвалъ повязку Краснаго Креста и орденъ Св. Владиміра у особоуполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста В. В. Маркозова.

Бывшая дважды въ германскомъ плѣну сестра милосердія А. М. Саходынюкъ вмѣстѣ съ другими сестрами въ Альтдаммѣ подверглась обыску, который былъ произведенъ въ грубой формѣ, причемъ распарывалось платье и даже бѣлье. Послѣ обыска у сестеръ не оказалось многихъ бывшихъ у нихъ цѣнныхъ, преимущественно золотыхъ, вещей.

Жестокость австро-германскихъ врачей и санитарнаго персонала.

Приведенные выше факты свидѣтельствуютъ о полномъ презрѣніи германскихъ воинскихъ чиновъ къ человѣческимъ правамъ плѣнныхъ. Однако, неизмѣримо большее негодованіе вызываютъ сообщенія о жестокомъ обращеніи съ ранеными и больными плѣнными германскихъ и австрійскихъ врачей и санитарнаго персонала.

Въ лагерѣ около города Шнейдемюлле, въ Январѣ 1915 года, свирѣпствовала эпидемія тифа. Отправленный туда для борьбы съ болѣзнью старшій врачъ 36-й пѣхотной дивизіи Т. М. Валуйскій нашелъ больныхъ, въ деревянныхъ, плохо отапливаемыхъ баракахъ и въ сырыхъ темныхъ землянкахъ. Больные лежали вповалку на полу и были покрыты насѣкомыми. Для вентиляціи помѣщеній въ стѣнахъ были сдѣланы отверстія. Страдая отъ холода, плѣнные затыкали эти отверстія, однако, лагерный врачъ Куно приказывалъ вынимать оконныя рамы и больные оставались по 24 часа въ холодѣ. При предохранительныхъ прививкахъ оспы, холеры и тифа проявлялась иногда крайняя жестокость. Такъ, одинъ изъ врачей, прививая плѣннымъ оспу, дѣлалъ надрѣзы шашкою болѣе 3 вершковъ въ длину. По по-

казанію рядового 98 пѣхотнаго Юрьевскаго полка Александра Семененко, въ томъ же Шнейдемюлле германскій врачъ лазаретнаго барака лагеря № 3, за недостаточно быстрое исполненіе его приказанія, даннаго имъ на нѣмецкомъ языкѣ, ударилъ русскаго солдата по головѣ палкою и вторымъ ударомъ палки разбилъ глазъ другому плѣнному изъ мирныхъ жителей.

Въ Ингольштадтѣ, въ госпиталѣ раненые подвергались избіенію со стороны врача, какъ о томъ показалъ рядовой 105 пѣхотнаго Оренбургскаго полка Петръ Козловъ.

Объ избіеніи плѣнныхъ въ Штеттинскомъ лагерѣ старшимъ врачемъ 3 резервнаго лазарета Шмидтомъ въ Іюлѣ 1915 года разсказывали прапорщикъ 98 Юрьевскаго полка И. М. Шевченко и рядовой 43 Сибирскаго стрѣлковаго полка Семенъ Кожевниковъ. Особо возмутительный случай сообщенъ рядовымъ 212 пѣхотнаго Романовскаго полка Афанасіемъ Селинымъ. Онъ былъ помѣщенъ, въ первыхъ числахъ Октября 1914 года, въ городѣ Старгардѣ въ лазаретъ для русскихъ плѣнныхъ, расположенный въ сыромъ и холодномъ манежѣ съ разбитыми въ окнахъ стеклами, и лежалъ на каменномъ полу. Германскій врачъ, въ чинѣ генерала, на перевязкѣ грубо вертѣлъ раненую руку Селина и послѣдній отъ боли застоналъ. Врачъ ударомъ кулака по затылку сбилъ Селина со стула на полъ, а затѣмъ, смѣясь, еще два раза ударилъ его по щекѣ. На другой день этотъ же врачъ выдавливалъ у раненаго въ задній проходъ солдата гной, а когда раненый закричалъ отъ боли, онъ взялъ со шкапчика кусокъ хлѣба, вымазалъ его извлеченнымъ изъ раны гноемъ и засунулъ кусокъ въ ротъ раненому, продолжая давить больное мѣсто. Въ этомъ лазаретѣ Селину въ продолженіе шести мѣсяцевъ, дѣлая перевязки, не мѣняли бинта и ваты.

Рядовой 13 Стрѣлковаго полка Агафонъ Горновъ показалъ, что во время нахожденія его въ госпиталѣ въ Будапештѣ австрійскій врачъ, дѣлая ему (въ Январѣ или Февралѣ 1916 года) промываніе раны шприцемъ, причинилъ ему сильную боль. Когда же Горновъ закричалъ, врачъ, грубо обругавъ его по русски, ввелъ шприцъ въ другое мѣсто съ такою силою, что два дня изъ мѣста укола шла кровь.

Плѣнные говорили, что тотъ же врачъ однажды во время перевязки выхватилъ у раненаго палку, на которую опирался послѣдній, и ею избилъ раненаго.

Рядовой 187 пѣхотнаго Аварскаго полка Василій Тимачевъ, помѣщавшійся отъ 12 Января по 21 Августа 1915 г. въ лазаретѣ въ г. Кессингѣ, показалъ, что въ названномъ лазаретѣ профессоръ (Бакъ) (Бахъ) при перевязкахъ часто билъ нашихъ солдатъ по щекамъ.

По словамъ прапорщика 9 Финляндскаго Стрѣлковаго полка барона Р. О. Будберга, въ Терезіенштадтѣ старшій врачъ лазарета Альтгуберъ отличался чрезвычайною грубостью въ обращеніи съ плѣнными офицерами.

Такъ же грубо и презрительно относились нѣмецкіе врачи къ русскимъ врачамъ, лѣчившимъ раненыхъ и больныхъ плѣнныхъ.

Такъ, по словамъ врача 36 артиллерійской бригады Л. И. Файнберга, въ Бранденбургѣ врачъ Кобракомъ изъ Берлина (спеціалистъ по болѣзнямъ уха, горла и носа) оскорблялъ русскихъ врачей и доносилъ на нихъ коменданту лагеря за то, что они протестовали противъ избіенія плѣнныхъ.

Выше уже было упомянуто объ избіеніи германскимъ врачемъ русскаго врача плетью въ Шнейдемюлле.

При подобномъ отношеніи германскихъ и австрійскихъ врачей къ ихъ плѣннымъ паціентамъ и даже товарищамъ, неудивительно, что низшій врачебный персоналъ понималъ свои обязанности весьма своебразно.

Въ обыскѣ русскихъ сестеръ милосердія въ Альтдаммѣ участвовали нѣмецкія сестры.

Въ концѣ Августа 1914 года, во время перевозки русскихъ раненыхъ по рѣкѣ изъ Раненбурга въ Данцигъ, германская сестра милосердія избила на перевязкѣ русскаго солдата за то, что послѣдній отъ боли прокусилъ простыню. Объ этомъ сообщилъ ефрейторъ 104 пѣхотнаго Устюжскаго полка Прокофій Калягинъ.

По словамъ рядового пѣхотнаго Архангелогородскаго полка Михаила Казимірова, въ 1-й запасной больницѣ „чешскій техникъ", въ городѣ Брено сестра милосердія однажды избила по щекамъ двухъ горячечныхъ больныхъ. Та же сестра отказывала больнымъ въ лѣкарствахъ подъ предлогомъ, что они стоятъ денегъ.

По словамъ раненаго 4 Іюля 1915 года у города Люблина рядового 14 Сибирскаго Стрѣлковаго полка Прохора Кочерги, нѣмецкіе санитары дѣлали перевязки лишь тѣмъ, кто давалъ имъ деньги, а раненыхъ въ грудь или животъ германцы поили какимъ то снадобьемъ, послѣ чего на губахъ выступала обильная пѣна и раненые черезъ нѣсколько минутъ умирали.

Въ лазаретѣ въ Фаанзальцѣ тяжело раненымъ русскимъ плѣннымъ служители не давали подкладного судна, доводя ихъ, такимъ образомъ, до необходимости испражняться подъ себя, за что, однако, тѣ же служители били ихъ и обмазывали имъ лицо испражненіями. Такъ, между прочимъ, они поступили съ безногимъ солдатомъ Кондаковымъ.

Сестра милосердія Саходынюкъ разсказала, что послѣ перехода Новогеоргіевска въ германскія руки во главѣ госпиталей цитадели остались русскіе врачи нѣмецкаго происхожденія, ранѣе состоявшіе на русской службѣ: Бушъ, Шабертъ, Шейнбергъ и зубной врачъ (насколько сестра Саходынюкъ помнитъ его фамилію) Кригеръ. Русскимъ раненымъ предоставлялась испорченная часть мяса, вслѣдствіе чего среди нихъ появились желудочныя заболѣванія. Главный врачъ Шабертъ не обращалъ вниманія и на просьбы сестеръ добыть съѣдобнаго мяса отвѣчалъ лишь улыбками.

Неистовства нѣмецкаго гражданскаго населенія.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что если воинскіе чины и даже врачебно санитарный персоналъ нашихъ враговъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать пребываніе нашихъ плѣнныхъ въ неволѣ особенно тяжелымъ, то и мирное населеніе не уступаетъ имъ въ жестокости.

Всѣмъ памятны разсказы вернувшихся изъ Германіи въ началѣ войны русскихъ о томъ озлобленіи, которое было проявлено по отношенію къ нимъ нѣмецкими гражданами и гражданками и даже дѣтьми. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, однако эта ненависть нѣмецкаго гражданскаго населенія къ русскимъ не только не улеглась, но съ теченіемъ времени ея проявленія стали еще болѣе яркими.

По словамъ упомянутой выше сестры милосердія Саходынюкъ, когда сестеръ санитарнаго поѣзда Земскаго Союза, захваченныхъ

въ Вержболовѣ 28 Января 1915 года, вели черезъ городъ Штральзундъ, толпа женщинъ, дѣтей и стариковъ всячески глумилась надъ ними и готова была ихъ растерзать; только охрана конвоя спасла ихъ отъ насилій. Выше уже было упомянуто о неистовствахъ гражданскаго населенія надъ казаками.

Если подобныя насилія могутъ быть отчасти объяснены фанатизмомъ толпы, то что сказать о жестокостяхъ отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, жены коменданта лагеря въ Штадтгардѣ, которая натравливала своихъ голодныхъ собакъ на больныхъ холерою плѣнныхъ. Псы бросались на несчастныхъ больныхъ и рвали ихъ, когда тѣ падали. Женѣ коменданта эти сцены, видимо, доставляли большое удовольствіе.

Приведенными фактами далеко не исчерпываются всѣ извѣстные Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи случаи жестокаго обращенія германцевъ и ихъ союзниковъ съ нашими плѣнными. Однако, изложеннаго вполнѣ достаточнаго для того, чтобы притти къ выводу, что подобная жестокость не есть только проявленіе грубости отдѣльныхъ лицъ, а соотвѣтствуетъ всей германской системѣ веденія войны: противнику, по мнѣнію нашихъ враговъ, долженъ быть нанесенъ наибольшій ущербъ не только на полѣ брани, но и всюду, гдѣ это представляется осуществимымъ. Только этимъ и можно объяснить пренебрежительное отношеніе нѣмцевъ и астрійцевъ къ здоровью и самой жизни военноплѣнныхъ, массовые ихъ разстрѣлы, мучительныя наказанія, кормленіе впроголодь негодною пищею и другія съ ихъ стороны издѣвательства. Враги наши дѣлаютъ все, для того чтобы наибольшая часть плѣнныхъ погибла въ плѣну, а тѣ, которые вернутся на родину, остались бы навсегда калѣками.

Тяжкія муки невинныхъ людей вопіютъ къ небу, но, къ счастью, близится грозный часъ расплаты для жестокаго, забывшаго Бога, народа...

Предсѣдатель Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи,
Первоприсутствующій Сенаторъ *Алексѣй Кривцовъ*.

1916 г.

Крайне мучительное наказаніе „привязываніемъ къ столбу“ — практикуется нашими врагами въ лагеряхъ для военноплѣнныхъ.

„Mise au poteau“ — peine fort douloureuse et mise en vigueur par nos ennemis envers les prisonniers de guerre, dans les camps de concentration.

„Attached to a post“, — an extremely painful punishment, applied by our enemies to prisoners of war in concentration camps.

Крайне мучительное наказаніе „подвѣшиваніемъ къ столбу“ — практикуется нашими врагами въ лагеряхъ для военноплѣнныхъ.

„Mise au poteau“ — peine fort douloureuse et mise en vigueur par nos ennemis envers les prisonniers de guerre, dans les camps de concentration.

„Attached to a post“, — an extremely painful punishment, applied by our enemies to prisoners of war in concentration camps.

